

Количество артиклей в английском переводе превышает соответствующее количество артиклей в немецком языке на 29 единиц. Большое количество артиклей в английском тексте свидетельствует о том, что он содержит большее количество имен существительных, чем немецкий текст (186 и 184 соответственно). С одной стороны, это свидетельствует о некотором замедлении динамики развертывания содержания английского текста, чему, как известно, всегда способствует употребление большого количества имен.

Анализ грамматических трансформаций, то есть использования самых частотных приемов, а именно: замен, опущений, добавлений и перестройки предложений, показал следующее:

В немецком переводе преобразований оказалось больше, чем в английском. Если брать количественное соотношение замен, опущений и добавлений, то пропорции будут следующие: немецкий текст – 36, 38, 13; английский – 23, 16, 5. Такие трансформации, как перестройка, используется практически в каждом предложении, поскольку неродственный переводной язык, каким бы он ни был, подразумевает иную структуру предложений.

По результатам данного исследования можно сделать вывод, что переводчица на немецкий использовала значительно большее количество грамматических трансформаций, чтобы передать специфику текста фэнтези. Как мы видим, переводчица прибегает к большему количеству опущений, что может говорить об определенной трудности выбора оптимального варианта перевода некоторых единиц на немецкий, и, как следствие, свидетельствует о некоторой потере значимых специфических слов. На это может влиять как лексическая сторона слов, так и особая реальность, которую использует Фрай.

Ограниченный объем тезисов, к сожалению, не позволяет привести все данные анализа, тем не менее, следует отметить, что грамматические трансформации представляют собой один из важнейших аспектов перевода, особенно на неродственные языки, поскольку учет типологических сходств и различий в грамматическом строе языков помогает в значительной степени минимизировать влияние их негативных последствий на качество перевода.

Е. А. Ревуцкая

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (на материале французского, белорусского и русского языков)

Ниже пойдет речь об эпистемически маркированных фрагментах произведений Натали Саррот – французской писательницы с русскими корнями, представительницы «нового романа». Саррот и сегодня переводят на другие языки чаще других представителей этого направления.

Эпистемическая модальность – важная составляющая авторской субъективности – заслуживает особого исследовательского внимания в аспекте перевода, поскольку, как нам представляется, может находить как верные, так и вольные переводческие решения.

Писательнице Саррот известна уникальной повествовательной техникой, оспаривающей конвенциональный, клишированный язык художественной литературы. В 1939 году вышла ее первая книга «Тропизмы» (*Tropismes*) – серия коротких эскизов и воспоминаний. Тропизмы – это мельчайшие психические реакции, образы, возникающие в сознании человека до того, как он успеет сформулировать их.

В свою очередь, автобиографическая повесть «Детство» (*Enfance*, 1983) – не роман и не автобиография – не соблюдает хронологии событий, но утверждает «приоритет письма над жанром» (Smyth, 1986), подчеркивая значимость языка для всякого автобиографического начинания (Wei, 1986), но также показывая, что точное воспроизведение эпизода прошлого невозможно и даже бессмысленно (Havercroft, 1993).

«Детство» – это книга воспоминаний о первых одиннадцати годах жизни писательницы, имеющая форму диалога между рассказчицей и «голосом, задающим вопросы» – читателем либо «авторским сознанием» (Jones West, 1991). По мере развертывания повествования этот голос становится все менее настойчивым, постепенно превращаясь в «голос двойника» рассказчицы (Van Røey-Roux, 1984). Вместе с тем именно вопросительная форма делает автобиографический замысел Саррот проблематичным (Smyth, 1986).

Необычный характер повести «Детство» уже привлекал внимание лингвистов – есть, например, исследования повествовательных возможностей настоящего времени, оформляющего реминисценции Саррот и «закрывающего фрагменты опыта» (Gratton, 1994). Не менее важной частью авторского замысла Саррот представляется эпистемическая модальность – оценка рассказчицей вероятности / возможности положения дел, составляющего содержание высказывания. Внимательный читатель обратит внимание на присутствие в тексте значительного числа эпистемических показателей: так, «голос, задающий вопросы», не только подталкивает рассказчицу к «погружению в прошлое», но и подвергает сомнению точность ее воспоминаний:

– *Ah, n'essaie pas de me tendre un piège...*

– *Peut-être le faisais-tu plus que d'autres, peut-être autrement...*

– *Non, je ne dirais pas ça... je le faisais comme le font beaucoup d'enfants... et avec probablement des constatations et des réflexions du même ordre... en tout cas rien ne m'en est resté...* (Sarraute, 23–24)

‘– Ах, не старайся поймать меня...

– **Может**, с тобой это случалось чаще, чем с остальными, **может**, как-то иначе, по-другому...

– **Нет, не думаю...** в этом смысле я была такая же, как многие дети... и, **наверное**, они видели и думали то же самое... во всяком случае, у меня ничего от этого не осталось... ’ (Саррот).

Мы видим, что русский перевод может сохранять исключительную верность оригиналу в части эпистемической оценки (*peut-être* ‘(быть) может’; *je ne dirais pas ça* ‘не сказала бы, не думаю’; *probablement* ‘вероятно, наверное’). Вместе с тем отметим «эпистемические несовпадения»:

– *Mais elle s'est **probablement** très vite efface et ce que je parviens à retrouver, c'est surtout une impression de délivrance...*

– *Il n'est pas possible que tu l'aies perçu ainsi sur le moment...*

– *Evidemment. Cela ne pouvait pas m'apparaître tel que je le vois à présent, quand je m'oblige à cet effort... dont je n'étais pas capable...* (Sarraute, 85–86)

‘– Обида, **наверное**, быстро улетучилась, и поэтому мне удается вспомнить, прежде всего, чувство избавления...

– **Вряд ли** ты так воспринимала это тогда...

– **Конечно, нет. Я не могла относиться к этому так, как сейчас, когда заставляю себя сделать усилие... на которое не была тогда способна...**’ (Саррот)

Далее голос «двойника» становится менее категоричным в переводе, нежели в оригинале. Так, *il n'est pas possible que tu l'aies perçu ainsi sur le moment* передается как ‘вряд ли ты так воспринимала это тогда’, а не как ‘ты не могла так это воспринимать тогда’, а *il n'est pas possible que* дословно означает ‘невозможно, чтобы’.

Степень уверенности рассказчика в достоверности сообщаемого меняют и авторы переводов Саррот на белорусский язык: *Il lui semblait qu'alors, dans un déferlement subit d'action, de puissance, avec une force immense, il les secouerait comme de vieux chiffons sales, les tordrait, les déchirerait, les détruirait complètement. Mais il savait aussi que c'était **probablement** une impression fausse* (Sarraute, 12) ‘Яму здавалася, што тады, у раптоўным прыліве дзейнасці і сілы, ён іх страсяне на ўсю моц, як старыя завэдзганыя анучы, скруціць, раздзярэ і знішчыць ушчэнт. Але адначасна ён ведаў, што такое ўражанне, **вядома**, падманлівае’ (Саррот).

Так, белорусское ‘вядома’ указывает на едва ли не полную уверенность рассказчика, в то время как в оригинале прочитывается всего только предположение, маркированное наречием *probablement*. Таким образом, переводчики могут как следовать авторской эпистемической оценке, так и допускать «эпистемические несовпадения», тем самым расширяя истолкование оригинала.

Г. С. Романов

О ПРЕПОДАВАНИИ ПИСЬМЕННОГО СПЕЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА (ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК) НА ВТОРОЙ СТУПЕНИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Курс «Письменный специальный перевод (французский язык)» предусмотрен для занятий студентов магистратуры МГЛУ, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» на второй ступени высшего образования. Задачей этого курса является сообщение специальных языковых и межкультурных знаний наряду с развитием профессионально ориентированных умений и навыков в области письменного специального пере-